Случай в камере номер 66 Краснодарской тюрьмы. Брат Михаил Горянин

Угрожал мне следователь на допросе, когда первый раз вызвал меня. И одна из его угроз была то, что он сказал:
- Если тебя бандиты не убьют за три года, а три года, это я тебе даю гарантию, что ты получишь. Статья до трёх лет, три года ты получишь. Была бы до десяти лет, я бы тебя раскрутил на 10 лет, и 10 лет ты бы получил. Поэтому если тебя за 3 года бандиты не убьют, то придёшь, я тебя ещё на 3 года упрячу!
Я ему только на всё это сказал:
- Как усмотрит Господь? Если Господь позволит, то ещё пойду в узы, а если не позволит, так вы хоть что делайте, хоть какие методы принимайте, они будут бесполезны.
Когда они приехали к нам, их и не запустили. Они сделали мне личный обыск во дворе прямо. Когда люди стали проходить, они стали ломать двери. С разгону, плечом решили выбить двери, но двери выдержали. Тогда они пошли, взяли в гараже топор. Стали ломать топором двери и сломали топорище. А напротив нас школа, детский сад наискось. Родители ведут детей в школу и в детский сад, останавливаются, много прохожих, недалеко от центра города Железногорска. Люди останавливаются и спрашивают: "Это что такое? Да неужели работники милиции так ведут себя? И за что это?" Я нахожусь во дворе, говорю им: "За то, что я верующий ко мне приехали с обыском".
Недавно, только два с половиной месяца назад делали обыск, забрали всю литературу, кроме

одной Библии, её одну оставили. И то следователь через стол перебросил её уже с тем, что я ему надоел, что всё забирают. Поэтому в этот раз я ему сказал, что не пущу в дом. Он и сказал:

- Будем ломать дверь!

- Если имеете право на это, ломайте! А открывать вам не открою!

Около часа возились у дверей, потом гвоздодёр взяли и через некоторое время, а мне видно было с окна машины, дверь распахнулась.

Потом, когда я с женой встретился через год на первом свидании, спросил у неё:

- Всё же ты, наверное, не выдержала?! Открыла?!

- Нет! Дверь не открывала, сорвали замок.

Составили постановление об аресте. Сначала закрыли в отстойник. Первое впечатление, которое произвёл отстойник на меня - это место, где кажется ты отгорожен от всего, а только небо открыто.

Решение у меня в сердце было уже давно. Решение такое, что если когда-то Бог позволит пойти в узы, то начну свой арестантский путь с коленопреклоненной молитвы. Поэтому сразу же, как только закрылись за мной двери, гремя замками и запорами, я снял шляпу, преклонил колени и помолился Господу. Встав с молитвы, смотрю, стоит передо мной человек и энергично машет рукой. Я когда присмотрелся, а он крестится. И я уже встал с молитвы, а он всё продолжает креститься, да так энергично, что у меня невольно улыбка появилась. И только потом, дня через два или через три он признался:

- Когда тебя завели, я думаю: "Ну, попа привели, сейчас отпоёт меня, мне лоб зелёнкой помажут, вот это мне и всё". И поэтому сильно напугался и решил молиться.

И вот это бедные русские люди. И там особенно горько мне стало за всю Россию, что такое понятие, как молитва - это значит перекрестить живот или лоб и помахать рукой.

Но слава Богу, для меня было первым свидетельством то, в какой панике сатана, когда дети Божии на коленях. Вот это первое вдохновение от Господа, которое оказало влияние и на дальнейшее пребывание в узах.

Когда я приехал на тюрьму, многие уже узнали, что я верующий, что я иду первый раз за веру в Бога. Некоторые считали меня глупцом. А некоторые, которые верующих знали, говорили: "Да, у них так! Их за это преследуют, их за это гонят, за то, что молятся и верят". Было очень много свидетельств. Со стороны некоторых арестованных было такое даже: "Давай! Держись! Смотри, не падай! Смотри, чтобы никаких нарушений арестантской жизни не было!" Некоторые были доброжелательны, а некоторые зложелательны и они говорили: "Это вы вс так, хоть верующие, хоть неверующие, все такие жизнерадостные пока на свободе, а в тюрьме совсем по-другому..."

Поэтому когда пришёл на тюрьму, пришёл первый раз в камеру, то сразу же засвидетельствовал о Господе, а там этого и не скроешь. Потому что сразу спрашивают - по какой статье? Когда рассказал, много было свидетельств, бесед в этом месте. Положили на одно из лучших мест, за положением в камере смотрят, там есть братва, так называемая. И место удобное чем? Удобное для молитвы. Во время молитвы обычно они старались не мешать и даже, чтобы не толкали.

Одно из сильных переживаний, которое встретил буквально на 12-й день после прибытия на тюрьму - это была такая зловещая игра, в которую играли, наверное, только в нашей, 66-й камере или ещё в одной или в двух на всю тюрьму и больше нигде. В чём её суть?

В тот вечер я как раз беседовал с одним молодым юношей. Такая была хорошая беседа. И вот обязательно, сатана после свидетельства, которое особенно казалась ценным, сатана пытается

повредить. И всегда это происходит. Там я вспомнил Христа, когда Он был 40 дней в посте, а потом сатана подходит... И казалось всё, пост закончился, нужно приступать к служению, но нет обязательно сатана подступит. Вот и здесь так. Только беседа подходит к концу, вдруг читают записку, они уже там между собой договорились и записку эту составили о том, что он кумовской, то есть работает на оперчасть, тот парнишка, с которым я беседовал. И они заламывают его руки, бьют и идут в дальний угол камеры. Там уже так отгорожено, оттуда потом дикие вопли, удары слышны. Я пытаюсь заступаться:
- Ребята! Надо разобраться, нельзя же так сразу!
А суть такая, что раз он кумовской, то он не должен жить. Они кричат: "Всем по местам! Всем по шконкам!". Это так называемые места, где спят заключённые. А сами там бьют его и дикие вопли оттуда, сами в крови все вымазаны. Искажённые лица, дикие крики и прочее. И потом говорят, что зарезали его там. И нож в крови, руки в крови, майки в крови и дикие вопли. Я лёг вниз лицом и молюсь.
А они решают, что же делать, как быть теперь, куда деть этот труп. И решают, что есть только один выход, пустить его через канализацию. Для этого необходимо, чтобы его разбить, порезать на куски. И чтобы каждый из заключенных в этом поучаствовал. Только тогда можно в какой-то мере надеяться сохранить это убийство, хоть до определенного времени, в тайне. И у всех спрашивают: "Какой выход? Что делать?" Но никто не находит ответ. А я лежу и думаю: "Когда говорил вам, что не делайте зла никакого, то вы не слушали, а теперь спрашиваете, какой выход". И даже здесь у меня какое-то негодование появилось на них, вы когда делали зло, делали его с ненасытимостью, а теперь такие жалкие ходите и спрашиваете, — что же делать, мужики, что делать, как быть? И потом один же из них даёт совет: "Давайте его на куски побьём и через канализацию пустим". А раз они решили так, то и начинают. А я как самый первый лежал здесь, с краю, то начинают с меня.
- Подойдёшь, возьмёшь палец и отрежешь. Вот тебе нож. И бросишь в дальняк, вот это за тобой дело.

Другой должен был кусок руки и так далее, а чтобы череп разбивать кусок железной полосы есть.
В общем, всё было приготовлено у них. Я лежал, молился, а потом встаю и говорю:
- Ребята! Я в этом деле участвовать не буду, так как я человек верующий, и ни в какой степени участия моего в этом убийстве не будет.
Некоторые из них пришли в ярость и закричали:
- Тогда и тебя порешим, тебя "завалим".
- Как вы считаете, а я в этом участвовать не буду.
Они это сделали перед отбоем, а в это время надзиратели уже готовятся к смене и прочее. То есть заглядывают в "волчок" очень редко, бывает даже такие случаи тяжелые, что трудно дозваться их. Поэтому как раз здесь из надзирателей никого не было, никто не помешал им. И они тогда смотрят, что я могу им помешать. Они меня пока оставляют в покое, а рядом лежащего со мной поднимают. И это было время как раз, которое мне дано было помолиться, а молитва - это самое лучшее, что дано христианину в общении с Богом. Самое совершенное средство, то есть средство, которое успокаивает. В это время Бог дал успокоение, и когда я уже разговаривал с ними, у меня было решение на это. И дух мой, хотя и был встревожен этим событием, но он как-то спокойно, стабильно уже шёл с решением «если умереть, так умереть». И когда они сказали,

что и меня завалят, тогда я лёг и уже молился, просто молился, прощался с семьей, с Церковью. Они стали поднимать по очереди, а со мной рядом лежащий кричит: "Я буду участвовать, но я не первый, я не хочу первый!" Они всё равно поднимают его и туда, а там оказывается заставляют просто помочить руки и всё. И когда они всех перетаскали, некоторые люди потеряли дар речи. Одного мужичка, которого туда повлекли, потащили, и там отпустили, а он назад не мог идти. Он полз на четвереньках, рот открытый, течёт слюна и нижняя челюсть у него дрожит, как от лихорадки. Он должен был, как и все пойти туда к трупу, взять кусок ноги отрезать и бросить в канализацию. А на самом деле он туда доходит, там ему говорят тихонько: "Мой руки, и иди назад!" Якобы он взял там мясо или кости и несёт, а потом оттуда как будто помыл руки возвращается. И когда они уже всех перетаскали туда, а я прощаюсь с жизнью, потому что моя очередь подходит. А молился я о том, чтобы Бог сохранил детишек, помощницу, родителей, Церковь, братство. И когда стали возгласы слышны: "Ну, давайте! Святого!" - я был готов умереть только, чтобы не прикоснуться к этому, остаться Господу верным. Казалось бы, и смерть такая (нелепая) сразу в начале пути. А они кричат: "Давайте его одежду кровью вымажем и на него все свалим, на святого". Я тут сразу вспомнил одежду Иосифа. Я об этом стал немножко рассуждать об одежде: "И на самом деле они могут мне это сделать и опять новое обвинение, 102 статья уже" Поэтому переживание в этот момент было большое, вроде умереть легче всего было. И сатана до того изощряется в этих условиях, когда уже накрутил пружину злодеяния и кажется, уже не останавливается. Когда всех перетаскали, они подходят все ко мне, человек восемь, стаскивают меня с постели и тащат туда, к этому углу. Я туда шёл, ещё как-то не сопротивлялся, а когда дошёл, и они пытаются мне дать в руки нож. Я здесь руки сжал, чтобы нож никак не могли вложить мне в руку. Они тогда пытаются хоть подтянуть меня, чтобы я прикоснулся к этому трупу. Я думаю: "Ну пока в сознании, не буду этого делать". Пытаются подтянуть меня, а я сопротивляюсь. Смотрю половина трупа прикрыта и у меня сразу мысль, что половину уже перетаскали. Может быть теперь вторая половина, второй заход. Суют мне в руки нож. Я сжал руки и касаться не хочу. А они пытаются меня к трупу ближе подвести: "Давай, пусть святой только прикоснётся, и ладно". И подталкивают меня, друг другу мешают, а я сопротивляюсь. И идёт у нас борьба, они меня тащат туда, а я сопротивляюсь. Думаю, что пока я в сознании, я не прикоснусь. Я не вырываюсь, а просто на месте кружимся, они друг другу мешают, не могут подтянуть меня. И потом думаю: "Наверное, сейчас уже и сознание потеряю..." - уже сил нет физических. И один из них говорит:

Ну всё! Концерт окончен!

И такой хохот, и смеются только они. Это оказывается всё разыграно, но разыграно так талантливо, что позавидуют самые выдающиеся артисты мира, а не только нашей страны. Позавидовать той правдивости изображения. Я бы никогда не подумал, и вот сколько потом приходилось наблюдать, никогда бы не подумал, что это игра такая может быть, что бежит арестант с искажённым лицом, бледный, в крови весь, и майка в крови, а это розыгрышь. И ножи ведь у них есть, которые они делают из вставки в подошве обуви, но ведь их вынимают, когда приходишь на тюрьму, а всё равно каким-то способом проносят, затачивают вот это и есть у них ножи. И режут себе на руках вены, или на ногах, где выступает вена режут, и примерно, с полстакана. Или какому-нибудь самому слабенькому говорят: "Дай крови!" - а потом с водой разведут. Вымазывают майки и вымазывают того, который лежит. А тот в затемненном углу лежит и рука подвернута, голова как-то неестественно вывернута, и нога, а мне кажется, что

никогда так нельзя сделать, ногу если самому подвернуть так. Наполовину закроют, как будто уже пол тела лежит, когда тебя приводят.

В чём заключается эта игра? В том, что они человек 10 новеньких собралось в течение двух-трех дней, в камеру добавили, значит все старые уже не участвуют в этой игре, а только новеньких они стараются тащить, выборочно в эту игру. Как бы дополнительно сатана и там не жалеет своих подданных. Жалкие и бедные грешники. И там не жалеют, а нервы трепет и духовно надламывает людей. Собственно там я посмотрел, что никакие физические достоинства человека будь то боксёр или каратист, или самбист - бессильны. Там основная сила у тех, которые знают Бога, которые любят Бога.
Там надламывается заключённый как индивидуум, как мужчина. Он потом становится рабом, винтиком этого механизма преступного мира. Вот становится таким, что допустим добро как добро понятия нет, поэтому нет понятия справедливости. Там все за компанию. Один сказал, смотрящий за положением, какой тон задали, другие как эхо, отзываются, повторяют, даже может быть он в душе с этим не согласен. Задает тон, а другие бессильны сказать "нет". Вот что удивительно, человек гораздо и физически сильнее, и интеллектуально развит больше, он не может сказать "нет". И для меня лично было это свидетельство в том, что уповая на Господа, не на свою силу. Я там бессилен был. Хотя Господь дал силу, когда они меня подтягивали, то после говорили: "Миша, посмотришь, худой-худой, а восемь человек не могли его подтащить". Так для них было это свидетельство. И после много раз вспоминали, что насколько всё же учение Христа велико, что ему изменить это равносильно, что лучше умереть. И ещё то, что никакого зла не делаем, когда вся камера принимает решение вот таким путём, здесь христианин идёт путём, который проложен Господом. Вот в этом наша сила. И сколько раз я в этом убеждался на протяжение всего срока, что сила в том, чтобы повиноваться Господу в точности, быть верным в малом. И Бог даёт благословение во многом.
Потом у этого парнишки я потом спрашивал:
- Ты первый раз так?
- Да, первый раз.
- Тебе хоть подготовку говорили какую нибудь?
- Нет. Только когда меня свалили, сказали, чтобы лежал тихонько, не шевелись, не двигайся. А я смотрю с ножом ко мне лезет и я невольно ногу отдёргиваю.
Один из этих же заводил основных, оказывается только недавно пришёл в камеру, и когда разыграли эту игру, он потерял сознание и его не могли привести в чувства, и вынуждены были из медсанчасти, которая на территории тюрьмы, вызвать врача. Пришёл врач, его забрали в санчасть, и только там привели в чувства. И он потом самым главным заводилой этих игр стал. Казалось бы, он на себе сделать должен был вывод,но все равно они так и продолжали. И после, когда они затеяли эту игру, я всегда говорил:
- Ребята, прекратите это делать, ведь ценней всего здоровья, а вы друг другу вредите.
И наблюдал за людьми, думал, может быть это один я такой и не понял сразу, что это игра, оказывается там только те, кому может быть кому по секрету расскажут. Рассказывать об этом нельзя было, потому что наказывали и приказывали держать в тайне, чтобы новички никто не знал. А играли эту игру два-три раза в месяц. Наблюдают за собором нового контингента и старые потом организовывают всё это.
В нашей камере было примерно человек 40. Эти камеры они специально имеют для того, что бы

ломать новичков. Потому что после встречались люди, которых специально бросали, чтобы надломить дух, когда они не признавали себя виновными, их бросали почему-то в эту камеру, а после уже к следователю. И некоторые, как слышно было, ломались.
Одно из самых негативных явлений происходящее было то, что человек попадает туда и теряет понятия о себе, как о человеке. Там он становится арестантом, там он становится ЗЭКом, на которого сквернословят, на которого смотрят, как на животное. И даже речь надзирателей и контролёров настолько низкая и похабная, что многим интеллигентным людям или людям, выросшим не в такой среде сквернословия, наносится жуткая моральная травма.

После этого случая многих больше заинтересовало учение Иисуса Христа, последователем которого я был. Ведь, когда они говорили, что убьют меня, потому что я их выдам, а я им говорил:
- Я христианин и никогда не был предателем и не буду, потому что вы прекрасно знаете, кто такой Иуда, ведь это один из предателей Христа. Поэтому о предательстве дети Божие знают хорошо, и никто не хочет быть похожим на Иуду.
- Это всё слова, это всё слова, поэтому мы словам не верим, мы тебя "завалим".
И после этого, когда слова подтверждаются делом, ведь человечество от слов устало везде. Везде кроме Церкви, кроме народа Божия. Людей только обманывают везде. Говорят одно, а на деле другое. И здесь было небольшое свидетельство того, что я не хотел прикасаться к этому и участвовать в этом деле убийства ни при каких обстаятельствах, потому что это против Слова Божия. И Бог прославился тем, что многие убедились - это не просто фанатизм или религия мёртвая, а это вопрос жизни и смерти, серьёзный вопрос. И многие заинтересовались этим вопросом. Было больше бесед, гораздо больше. То, что пережито было компенсировалось большим свидетельством и большим авторитетом этого свидетельства.
Одна из самых важных деталей той зловещей игры, которую пришлось пережить, находясь в камере, это текст из Слова Божия, который мне Бог подарил с раннего утра. Текст, в котором сказано:

> 3 воззови ко Мне — и Я отвечу тебе, покажу тебе великое и недоступное, чего ты не знаешь.
> Иеремия 33 глава — Библия: https://bible.by/syn/24/33/#3

Я весь день взывал к Господу, размышлял, беседовал. И всё равно до конца мне не был ясен этот текст. И потом, когда эта игра случилась я поблагодарил Господа за то, что Он научил меня взывать. Ну представьте себе, взывать тогда, когда тебя собираются убить. В отчаянных обстоятельствах. Взывать тогда, когда приходится прощаться с семьей, с родителями, с близкими, с Церковью. Там нет никакого желания многословий то особенно, что в тот момент говоришь Господу, то, что моментально возникает из сердца, является на поверхности. Сразу говоришь просто и ясно. В это время нет слез, нет жалости уже никакой. Ни к себе, ни к окружающим, только переживаешь за самые близкие сердца, что они останутся и как им дальше будет. Предаёшь их в руки Господа. То есть здесь молитва уже не о себе, а об остающихся близких родственниках. И этот текст как раз для меня был. И после этой игры я беседовал с ребятами об этом тексте и говорил, что Господь после того, как я взывал к Нему, для вас это игра, для меня это проверка была. И в то же время, когда люди делают зло, пытаются травмировать и психически ломать, дух ломать, и физически, так, что теряет сознание и прочее,

и даже заикаются некоторые, некоторые седеют заметно после этой игры, то для меня это было важно, что в этот момент я взывал Господу, что для других людей не было никакой радости и утешения, никто им не мог помочь, мне мог помочь Бог. И хотя я у Него не просил избавления в этом случае, потому что, когда уже есть решение, то здесь только просишь Господа силы быть верным, чтобы ни в коем случае не было отступления, и доверяешь Господу своих самых близких и родных.

И когда они меня ещё влекли и там, на месте, когда шла эта борьба, когда давали нож, я его не брал, когда подтаскивали к этому телу, я сопротивлялся и думал, пока при сознании - не подойду. Я обратил внимание, что меня не сильно бьют, почему-то бьют, но не сильно. И когда закончилась эта игра, когда отпустили, то я еле-еле, потихоньку, окружающие говорят: "Бледный был, сильно бледный". Я дошёл до своего места, лёг, и поблагодарил Господа за это испытание и за дарованную жизнь поблагодарил. И даже, когда они объявили, что концерт закончен и тогда я не думал, что это игра. Я думал, что концерт закончен надо мной, над святым, как они говорили: "Давай святого!".

Это было на 12-й день пребывания в тюрьме, хотя после этого мне пришлось пробыть там ещё около 10 месяцев. Это было первое событие, которое окружающих заключенных настроило на серьёзное отношение ко мне. Не просто как «а, святой пришел!» и всё. Как и многие раньше бывали там, и православные были и другие течения, а здесь, когда есть подтверждение жизнью, вот это именно то, чем можно убедить неверующего в существовании живого Бога, Бога помогающего, защищающего, реального Бога.

Комментарии
